

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) - т. Е Ж О В У Н.И.

Ваше сообщение на совещании 23.Ш о вскрытии террористской группы в аппарате ЦИК"а давит на меня страшным кошмаром. Я понимаю конечно, что мои переживания в сравнении с готовившимся ужасным делом ничто, как и ничего незначащая тут сама моя жизнь. И поверьте мне, что я бы не стал Вас беспокоить письмом если бы шла речь о составлении себе оправдания. Мне хочется лишь правдиво изложить историю той плохой борьбы за очистку аппарата ЦИК"а от чуждых элементов, которая к сожалению не дала положительных результатов.

В конце 1928 или начале 1929 г. группа коммунистов, в том числе и я как секретарь ячейки очень остро поставили вопрос об из"ятии из библиотеки ЦИК"а Вебера, Розенфельд, Бураго всего человек 5 или 6. Мотивировали мы тем, эти лица чужды не только по своему соц.положению, но чужды они и по своему поведению, они почти не принимали никакого участия в общественной работе. Наиболее активно за устранение этих лиц выступали Кондратов (бывш. в то время председат. месткома), я как секретарь ячейки, Акимов, Пушленков и другие. Нажимали мы как нам казалось сильно, а толку от этого было очень мало. Правда, Вебера уволили, Презента от руководства отстранили. Было образовано правление библиотеки, назначен был член партии т. Терехов председателем, член партии Соколова была приглашена заведующей библиотекой, взяты на работу в библиотеку комсомолки, несколько раз проводили там производственные совещания. Больше того, под давлением ячейки сотрудники библиотеки даже стали заниматься общественной работой.

Будь эти люди в другом аппарате, я убежден, что они были бы вынуждены уйти из аппарата, т.к. нажим на них время от времени повторялся. Во время партийной чистки в 1929 г. мы повторили попытку нажали через комиссию по чистке. Председатель комиссии т. Кадак наверно помнит как он этот вопрос ставил перед т. Енукидзе, но ничего не вышло и из этого нажима.

Во время партийной чистки в 1933 г. было подано заявление в комиссию по чистке, в котором указывалось о засоренности аппарата чуждыми элементами и фигурировали все те же лица. Я с тов. Васильевым ходил опять таки к т. Енукидзе и ставили вопрос об увольнении тех же: Бураго, Розенфельд, Мухановой. Получили еще раз раз"яснение, что народ этот проверен, предан и

7-112
190

что не случайно они работают по 10-15 лет в ЦИК"е.

Летом или в начале осени 1933 г. т.Гулько вызывал меня специально для переговоров о том, кого из чуждых элементов нужно из"ять" из аппарата ЦИК и каким путем их можно было бы из"ять". Тов.Гулько из моих слов записывал фамилии: Розенфельд,

Бураго, Муханову, которых как ему говорил нужно бы убрать, по их социальному положению, а кроме того я ему назвал тогда фамилии: Никитинской и Миндель, которые говорил я ему одеваются не по средствам. На вопрос т.Гулько знаю ли я от кого они получают что либо, я ответил: "не знаю". И т.Гулько даже сказал мне, что если наши дадут, то это не важно, но все же говорил он нужно проверить. И еще тогда же шли разговоры об увольнении Игнатьева. Я передал ему мнение т.Калинина, который как то сказал мне, что с Игнатьевым, пожалуй, можно бы уже расстаться. Я откровенно рассказал т.Гулько о том, что я бессилён нажимать и добиваться увольнения кого либо из указанных лиц, т.к. слишком велика их защита. Условились, что нажимать будет т.Гулько.

Вот когда я теперь мысленно перебираю все те перипетии, которые пришлось пережить, мне тогда, когда ставил все эти вопросы, то совершенно ясно отдаю себе отчет в том, что главного то и основного я не сделал, не написал я в ЦК. Что же мне помешало написать в ЦК или вообще так заострить вопрос, чтобы какая либо партийная инстанция должна была его разобрать? Ну, прежде всего то, что я не мог пред"явить ничего кроме того, что они чужды по происхождению и что они не хотят включаться в общественную работу. Но это не главное. Главным было то, что я слишком верил т.Енукидзе, который в моих глазах был олицетворением партийной чистоты и преданности вождю т.Сталину. И когда я за его спиной говорил с председателями комиссий по чистке и с т.Гулько об увольнении перечисленных выше лиц, я как будто даже чувствовал, что поступаю по совести, но в то же время вопреки указаний авторитета партии.

А ведь начто было проще взять и написать в ЦК партии те же предложения, которые устно не раз излагал перед т.Енукидзе. И вот боюсь, я, что и другие секретари парторганизации центральных организаций, наркоматов и ведомств также варятся в собственном соку, не доводят до сведения ЦК о тех вопросах, которые их мучают, а ограничиваются тем, что время от времени говорят со своими руководителями по этим наболевшим вопросам. На этом примере,

8 143
191

или из этого примера нужно извлечь уроки.

Со своей откровенностью заявляю, что нет у меня в ЦИК"е такого человека, которого я рекомендовал на работу не по деловым соображениям, а тем более имел бы половые связи. Да и вообще я в ЦИК"е в таких условиях, что для личной жизни у меня не было времени. Это можно судить по нагрузкам и не только как формальным названиям, а именно по работе. Выполнял я и выполняю работу: секретаря организационной комиссии, избирательной комиссии и комиссии по фонду имени В.И.Ленина и в то же время секретарь парторганизации. Вдобавок я еще по поручениям райкома выполняю разные его задания, в частности теперь участвую в пересмотре норм выработки на ф-ке гнутой мебели и и протезном заводе в Ленинском районе.

Понимаю я Николай Иванович, что политически я должен отвечать за тот участок работы, на который партия меня послала, доверила его мне. И именно потому, чтобы не ослаблять чувства ответственности у работников аппарата ЦИК"а я нигде не говорю ни о том, что мы хоть кое что делали для увольнения чуждых элементов и не пытаюсь я прятаться и за спину т.Калинина и т.Енукидзе по тем же соображениям. Вам же я написал это письмо потому, что хотелось сказать о том, как сильна рутина аппарата и привычки следовать за авторитетом, даже когда появляется сомнение.

П.Зайцев.

24.Ш-1935 г.

Верно: